

ПЕСНЯ
О
БОЯРЫНЕ МОРОЗОВОЙ

ЦАРЬ МАНАССИЯ

СКАЗАНИЕ
ОБ
ИННОКЕНТИИ
СМОКТУНОВСКОМ

Елена Степанян

Сборник стихов

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178268

Песня о боярыне Морозовой. Царь Манассия. Сказание об Иннокентии

Смоктуновском: Теревинф; М.: 2006

ISBN 5-901599-46-2

Аннотация

Содержание сборника:

Песня о боярыне Морозовой

Царь Манассия

Тетраптих

Вместо жития

Ответ В.Д. Бонч-Бруевичу

Человек из Цзоу

Мистер Фолуэлл в Нью-Йорке

Диккенс. Очерк творчества

Каббалистические стихотворения

Отрывок

Рассуждение о «Манон Леско»

«Фьоравенти-Фьораванти...»

Содержание

Песня о боярыне Морозовой	4
I	4
II	10
Царь Манассия[1]	25
I	25
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Елена Грантовна Степанян
Песня о боярыне
Морозовой. Царь
Манассия. Сказание
об Иннокентии
Смоктуновском

Песня о боярыне Морозовой

I

На святой Руси,
На Руси великой
Жил боярин вельможный
Борис Морозов.
Все князья-бояре Морозова боялись,
Вся Москва пред Борисом трепетала:
Он царю был сыздетства наставник,
Он царице был родич любимый,

Он владел богатством несметным,
Из всех бояр почитался первым.

Лишь одна печаль боярина томила:
Не было у него детей,
А старость не за горами.
В горькой старости
Любой бедняк боярина богаче,
Когда малые внуки
Сидят у него на коленях.

И взмолился к Богу боярин Морозов:
– Вот мой брат меньшой —
Он мне вместо сына.
Кабы мог я, Господи,
Найти ему невесту,
Да такую,
Чтоб ей равных не сыскалось:
Чтобы мудрой была,
И чистой,
И прекрасной видом,
Чтоб вослед ей глядя
Вся Москва дивилась,
Чтоб достойный наследник от нее родился
Моей славе – моему богатству.

– Диво-дивное!
Исполнилась боярина молитва.
На другой же день

Докладывают ему сваты:

— Так мол и так,

Есть невеста в боярском доме —

И лицом прекрасна,

И чудно стройна станом,

Так умна,

Что с ней старцы ведут беседу,

Так чиста,

Что птицы ей на руки садятся,

Входит в церковь —

В церкви Божьей становится светлее.

Как обрадовался боярин Морозов! —

Обвенчал он брата Глеба

с девицей Феодосьей.

Через год у них сын родился,

Что месяц ясный.

Старый Морозов себя забыл от счастья —

Каждый день посылает невестке

Заморские яства,

Дарит яхонты ей,

Как у польской королевы,

Золотой возок,

Лучше чем у самой царицы.

Ах, боярин Борис Морозов!

В том ли мудрость,

Чтоб есть дорогие яства?

Сердце чистое —

Не ярче ли яхонтов светит?
Позабыл ты,
Какими словами молился Богу.
Да Господь помнил!

Сердце мудрое в том,
Кто, в высоком тереме сидя,
Слышит,
Как в слободе погорелой
Сироты от голода плачут,
Как стонут колодники
В сырых подвалах.

Потому-то молодая боярыня Феодосья
В золотом возке ездить не хотела,
Яхонтами себя не украшала —
Надевала она простую одежду,
Обувала грубые лапти,
Тайно покидала белокаменные палаты,
В темные слободы уходила.
Кормила голодных,
Нагих одевала,
Из глубокой ямы
Вызволяла пленных,
От кнута и огненной пытки
Несчастных откупала,
Посылала выкуп за тех,
Кто в неволю попал на чужбине.

А когда спасенный
В ноги ей бросался,
Поднимала его, говорила строго:
— Господу единому воздай славу.
Он дает нам в долг —
Мы ему возвращаем.

А когда ей встречался
Дворянский сын обнищавший,
Посылала ему Морозова лисью шубу,
Сапоги из красного сафьяна.
Дворянина нельзя дарить,
Как простого смерда, —
Сердце чистое недаром слышит,
Как отец и дед его
В небесах плачут,
Что дошел их сын до нищеты и позора.

— —
С юных лет осталась Феодосья вдовою.
Она не роптала,
Судьбу не корила.
Говорила тем, кто приходил ее утешить:
— Кто мне дал однажды любимого мужа,
Тот, по воскресении,
вернет мне его снова.

Сердце робкое страшится
И малой разлуки,
Сердце чистое

Алмаза крепче,
А у Господа
И тысяча лет – как один день.

II

О ту пору задумал царь
Алексей Михайлович
Весь народ христианский
Обратить в рабство,
Приковать к земле железной цепью,
Приравнять нашу горькую долю
К доле скотов бессловесных.

Вот сошлись на совет князья да бояре —
Никого не нашлось за народ заступиться.
По душе им государево решение,
И не даром:
Христианский пот для них – то жемчуг,
Кровь народная – червонное золото.
Больше всех царицы родичи довольны,
Первый среди них —
Борис Иванович Морозов.
Как домой воротился боярин Морозов,
Выходила Феодосья Прокопьевна
ему навстречу,
Выходила – говорила без боязни:
– Государь-отец-старший братец!
Высоко в небе светит солнце.
Но превыше солнца
Правда Божия сияет.

Не посмеет солнце
Лишить землю света —
Не посмеет
От Божьей правды отступиться.
А царей-князей
Над людьми Господь ставит,
Чтоб творили им правду и суд,
А не пот с них лизали кровавый!

Прогневили Морозова слова Феодосьи.
Не стерпел он,
Сказал ближним своим людям:
— Загордилась невестка,
И впрямь
Возомнила себя всех умнее!
Ну вольно тебе!
Любишь молиться Богу —
Заточу тебя в монастырь далекий,
Будешь класть поклоны и днем и ночью.

Так сказавши,
Затворил он дверь и лег на постели,
Только видит:
Вошла к нему гостя,
Та, что сквозь любые двери проходит,
От которой замком не замкнешься.
Вошла смерть сама
со серпом своим острым,
Отделила душу от боярского тела,

И отправился он на суд
К Господнему престолу.

— —

А уж царские стражи
по всей земле рыщут,
Зорко смотрят,
Чтоб рабства никто не избегнул.
Ловят беглых,
Непокорных казнят жестоко,
В рудники ссылают на Лену —
Ледяную реку.

Больно землю долбить во мраке,
На коленях стоя, —
Во сто крат большее
Вспоминать о детушках родимых,
Как их продали на чужую сторонку
За бочонок вина, да за конскую сбрую.

Господи, Господи!
Не Ты ли нас создал!
Не Христова ли кровь
Нас от вечного ада искупила!
Посмотри же,
Как здесь они ругаются над нами!
Сатана в аду такого не измыслит —
От сосцов материнских
Отрывают младенцев,
Вместо них суют

Щенков собачьих.

— Корми, сучья кровь,

Сучат господских!

С человечья молока

Они станут еще злее,

Коли вздумаете бежать —

Разорвут вас на части.

— —

Как услышал царь Алексей Михайлович,

Что народ со всей земли

Вопит к Богу,

Призадумался он

И на страшное отважился дело —

Искривить решил святую веру,

Заслонить от нас, грешных,

Небо Господне,

Чтоб молитвы наши туда не доходили,

Чтоб заступники наши

От Русской земли отвернулись.

Призывает к себе царь советчика злого,

Патриарха-антихриста,

Лукавого Никона-собаку.

Говорит ему бессовестный Никон:

— Повели, государь, чтобы впредь

Во всей земле Русской

Не посмел никто помолиться Богу,

Прежде чем поклонится

Царю и патриарху.

Чтоб никто не смел
Искать иной правды,
Кроме той,
Что патриарх и царь возвещают.
Ты велишь —
А уж стражи твои досмотрят зорко,
Чтоб никто твоего повеленья не нарушил.

Господи!
Как же быть нам?
И что делать?
Страшен гнев Твой,
Да говорят же,
Что Бог — высоко.
Царь — далёко,
Да палачи его всё ближе!
Топорами стучат,
Рубят срубы, чтоб жечь нас живыми.

Смилуйся над нами!
Укажи, на кого опереться!
Тьма крошечная нас объяла,
Без огня путеводного
Погибаем!

Говорит Господь:
Кто зажжет светильник,
На высоком месте
Поставить его должен.

Оттого и Москва святая
На холмах стоит на высоких.

Высоко стоял Морозовский дом,
Был он всей Москве виден.
Распахнула Феодосья Прокопьевна
его двери,
Потянулись туда Божьи люди —
Те, что истину Божию
Превыше души своей возлюбили,
Что и малую крупицу правды
Не уступят сатане вовеки.

Стал Морозовский дом
Словно крепость.
Словно пламя к небу,
Возносилась оттуда молитва.
А вокруг народ московский
Исполнялся силы
И стоял за правду —
Не хотел царю поклониться.

Как узнал про это царь
Алексей Михайлович,—
Испугался.
Глубокой ночью
Ворвались к Морозовой его стражи,
Заковали боярыню тяжелой цепью,
С милым сыном проститься не дали,

Повлекли в монастырь, в подземелье.

Говорили царю приспешники злые:

– Повели, государь,
Ее сжечь поскорее,
Чтобы впредь другим
Неповадно было.

Только царь недаром
Душу дьяволу продал —
Научил его дьявол
Хитрости змеиной.

Отвечал им царь:
– Ой вы, верные слуги!
Человека сжечь —
Нехитрое дело.
Прежде надо, чтоб от правды
Боярыня отреклася,
Чтобы подлый люд
Надежды на Бога лишился.

Приходили к ней в подземелье
Царские вельможи,
Приходили – увещали ее и стыдили:
– Не годится тебе, боярыне знатной,
Черный хлеб глотать
В кандалах и в кровавой коросте.
А повинна в той беде
Твоя гордыня,

А гордыня – это грех величайший.

Феодосья Прокопьевна им отвечала:

– Неужели бояре Христа знатнее?

Он – мой истинный царь —

Не гнушался такой пищей,

Он терновым венцом венчался,

И был за меня распят.

Не предам я его любви

И под самой жестокой пыткой.

Так она говорила в сыром подzemелье,

А слова ее

По всей Москве разносились.

Пробирались к ней в темницу

Верные люди,

И она их наставляла

И укрепляла в вере.

А тюремные стражи

Между собой шептались:

– Как мы их сегодня не увидим,

Так пусть на Страшном Суде

Не увидятся грехи наши.

Догадался об этом царь

Алексей Михайлович —

Приказал везти боярыню

на Ямское подворье,

Чтоб пытали ее там

Палачи непростые —
Князь Одоевский и князь Воротынский.

Заломили ей белы руки,
Связали,
Высоко подвесили на дыбу.
Стали бить кнутами нещадно,
Так что кожа клочьями повисла.
А потом ее водой отливали
И пытали вновь,
Каленым железом.

Удивилась Морозова их лютой злобе
И, пришед в себя, князей спросила:
— Отчего я вам так ненавистна,
Князь Одоевский и князь Воротынский?
Я ль не ласково в моем доме
вас встречала,
Дорогих гостей,
Кумовьев своих крестовых?

Потемнев лицом, князя отвечали:
— Праведный для грешных —
Что огонь адский.
Вся неправда, что в сердце
у нас гнездится,
Чуть завидя тебя, на дыбы вставала
И терзала наши бедные души
Еще злей,

Чем тебя мы сегодня терзаем.

Доложили царю Алексею Михайловичу:

– Не сдастся боярыня Феодосья.

Только молит Христа:

«Не покинь меня, мой Боже!

Я и в смерти от Тебя не отрекуся!»

Усмехнулся царь,

Повелел до времени ее не мучить.

Сам отправил соглядатаев тайных

Поглядеть за морозовским домом,

Разузнать,

Как живет ее сын любезный,

Молодой боярин Иван Глебович.

Шел Ивану Глебовичу
восемнадцатый годочек.

Был он разумом светел,

Учен,

И к людям ласков.

А лицом и статью был так прекрасен,

Что народ московский

Дивился, на него глядя:

Чисто ангел Божий

Боярское принял обличье.

Только с ночи той,

Как в цепях увезли Феодосью,

Перестал ее сын выходить за ворота.

От тоски и ночей бессонных
Занедужил Иван Глебович —
В тот же час об этом
Стало царю известно.
Посылал к нему царь
Лекарей самых лучших,
Самых лучших лекарей немецких.
Наливали они в чарку лекарства,
А в лекарство подмешали
Смертельного яду.
Только выпил Иванушка того зелья,
И закрылись навсегда его ясные очи.

– Видишь ты теперь, что
Господь тебя покинул,—
Говорили Морозовой ее супостаты.
– Он от мук тебя не избавил,
Он лишил тебя сына.
Нету пользы в твоём упорстве.
Покорись лучше царской воле
И покайся в преступной гордыне.

Зарыдала Феодосья Прокопьевна,
завопила:
– Ах вы, Каиново семя,
Я ль не вижу,
Чему вас наущает дьявол!
Мало вам, что вы извели мне сына,
Всю-то Русскую землю

Погубить вы хотите!
Знайте,
Ежели не вытерплю этой муки —
В Судный день Богородица Святая
От народа сего отвернется,
Не замолвит за него
пред Господом словечка!

Матушка-Заступница!
Не отринь нас, грешных!
Донеси до Господа
Мольбы наши!
Ах, одна,
Одна осталась нам молитва
На года,
На века скорбей грядущих:
Дай нам, Господи,
Твоего терпенья —
Бесконечного терпенья Христова —
И тогда никакая сила
Нас с Тобой разлучить не сможет.

Мы Москву святую покинем,
Белокаменные оставим храмы,
И уйдем тропами глухими
Ради правды Божьей скитаться.
И в скитах,
В урочищах темных
Сбережем наше сердце живое —

В нем пребудет живой наша правда,
И на Страшном Суде просияет.
Не затем ли Ты, Господи Боже,
Широко нашу землю раскинул,
Оградил ее лесом дремучим,
Оковал ее морем студеным?

— —

Понял царь Алексей Михайлович,
Что не он
Над нашим сердцем властен,
И решил отомстить лютой местью
Тем, кто Господа сильнее других любит.

Повелел он боярыню Феодосью
Отвезти в глухой далекий Боровск,
Вырыть там преглубокую яму,
Чтобы в ней
Без еды-без света
Долгой смертью она умирала.

Как услышала Морозова
приговор жестокий —
Кликнула она свою верную подругу,
Честную вдову Марию Данилову,
И сказала:
— Отыщи, Мария Герасимовна,
Ты в Москве князей Урусовых терем,
И скажи сестре моей меньшей,
Молодой княгине Евдокии —

Повелел мне царь умереть лютой смертью
Ради правды Божьей
В святой земле Русской.
Светлая княгиня Евдокия
помолилась Богу,
Богу помолилась —
святое Евангелъе раскрыла.
И прочла она слова Господни:
«Если семя пшеничное, падши в землю,
Не умрет – то пребудет одиноко,
А умрет – то принесет плод великий».

И сказала княгиня Евдокия:
– Дорог муж,
И дороги малые дети.
И жизнь дорога.
А правда Божия – всего дороже.

Она мужу-князю в пояс поклонилась,
Малых детушек своих поцеловала.
Взявшись за руки, пошли они с Марией
И пред царскими судьями предстали.

И сказали они судьям царским:
– Умереть хотим с Морозовой вместе
Ради правды Божьей
в святой земле Русской.
Чтобы правда на Руси не погибла —
Воскресла —

Лютой смертью ныне
Без страха умираем.

Отвезли их всех троих в Боровск,
Опустили в страшную яму.
И Морозова до конца сестер ободряла,
Проводила их в путь,
И сама умерла последней.
С той поры народ христианский
Стал горькой вдове подобен —
Нет у нас государя,
Пасут нас лютые волки.
Господи Боже!
Смилуйся над нами!
У тебя ведь
И тысяча лет — как один день!

Царь Манассия¹

Повесть

I

Царя Манассии грехи
Тяжелой тучей
Висели над Иерусалимом.
В должный срок
Она дождем свинцовым разродилась
И каменным.
Пустыней стал великий город,
Возлюбленный Всевышним.

И не избегнул наказания царь Манассия:
Он был закован в цепи
И на чужбину отведен как пленник.

¹ Манассия – иудейский царь, четырнадцатый из династии Давида. Период его правления охватывает почти всю первую половину VII века до н. э. В IV Книге Царств (21, 11—12) о нем сказано: «...За то, что сделал Манассия, царь Иудейский... – так говорит Господь, Бог Израилев, – вот, Я наведу такое зло на Иерусалим и на Иуду, о котором кто услышит, зазвенит в обоих ушах у того...» Также у пророка Иеремии: «...Так говорит Господь: <...> отдам их (израильтян) на озлобление всем царствам земли за Манассию, сына Езекии, царя Иудейского, за то, что он сделал в Иерусалиме» (15, 4).

В огромном Вавилоне
Он в тесную был помещен темницу
И там оставлен
С памятью своей наедине.

Возможна ль собеседница ужасней?
Таких грехов жестоких и бесстыдных,
Какими до краев она полна,
Никто еще не совершал, пожалуй.

Едва захочет
Сознание истомленное Манассии
В какой-нибудь из уголков ее забиться,
Его тотчас оттуда гонит прочь
Видение кровавого кошунства,
Им совершенного.
И так – в несчетный раз.

Отчаявшись, решает царь
С обоими —
С сознанием и с памятью —
Покончить разом.
И с короткого разбега,
Насколько позволяет цепь,
Он ударяет головой о стену.

Боль
И крови вкус соленый
Царя с самим собою разлучают

ненадолго:

Вот он опять в Иерусалиме,
И небо – как расплавленный сапфир,
И солнце нежно жжет
Сквозь перья опахала.

В сопровождении друзей
Царь пересек подворье Храма
И на потеху свите
На стене священной
Нарисовал когтистый знак Молоха.

– Царь! Помилуй!
Ты нас погубишь всех!
За святотатство это
На наши головы обрушится сей Храм! —
И тянется дрожащая рука
Ужасный знак стереть.

Не говоря ни слова,
Короткий меч хватает царь Манассия
И руку отсекает.
Тотчас же царские друзья
Священника на землю валят
И бьют ногами до смерти.
А царь
Его с улыбкой вопрошает:
– Что ж?
Как видишь, Храм не рухнул.

Но в ответ
С земли встает старик-священник
И отрубленной рукой
Пытается стереть ужасный знак.
И вновь его сбивают с ног,
И вновь
Он поднимается и тянется к стене.
И вновь он на земле.
И вот встает опять.

И видит в ужасе Манассия —
Захлопнулась минута, как ловушка,
И он отсюда никогда не выйдет.
И еле-еле
Ворочая тяжелым языком
И непослушные слова соединяя,
Царь просит Господа Всевышнего
Его
Отсюда
Выпустить...
Но Бог его не слышит.
А старик опять встает,
И снова падает,
И вот опять встает...
И царь кричит,
Кричит и Бога умоляет!..

— —

В темнице смрадной пробуждаясь,

Весь в крови,
Дрожит Манассия от боли и обиды
На Господа.

— Велик, велик мой грех!
Но почему же молния Твоя
В тот миг меня не поразила? —
Храм не рухнул,
Солнце
Сияло в безразличной вышине,
И царь Манассия победитель вышел
Из наглой брани с Господом небес!
О горе!

— Почему меня
Земля, разверзнувшись, не поглотила,
Когда я сыновей своих в огонь
Кидал
Как наилучший дар Молоху?!..

— —

...В двенадцать лет
На царство был Манассия помазан
В том городе единственном,
Который
Избрал для обитания Всевышний.

И город сей в садах благоуханных,
И землю, источающую мед,
И свод небесный с солнцем и луною —

Как должное
В бестрепетные руки
Он принял.

Царские рабы
Во всём ему покорны,
Священники Господни
В нем Божьего помазанника чтут,
И дорого заплатит тот,
Кто счастьем беспредельному Манассии
Захочет указать предел.

Но солнце, обходя великий город,
Отсчитывает дни
И отмеряет ночи.
И вот царю однажды показалось,
Что дни, сияющие безмятежно,
Короче сделались,
А ночи – холодней.
И этот холод, словно запах тленья
Прилипчивый,
Он отогнать не может,
Как будто он сочится изнутри,
Из сердца царского.
А кровь его разносит
По жилам всем
И поражает мозг
Неодолимым страхом вечной смерти.

Царь слышал много раз,
Что Бог Всевышний
Есть Бог живых
И запрещает Он
Между двумя мирами —
Зримым и незримым —
Передвигать межи
И поднимать завесу.

Но слышал он, что есть другие боги,
И что куда стоворчивей они.

Печален бродит царь Манассия
В садах иерусалимских несравненных,
И отгоняет лунноликая Астарта
Его печаль,
И он ей платит щедро.

— —

Иерусалим! Иерусалим!
Столица,
В которой Бог Всевышний обитает!
Гора великая, гора святая,
Где небо приклоняется к земле,
Где наполняются уста пророков
Глаголами Господними
И ходит
По площадям и городским базарам,
Став человеком,
Истина сама.

Но с омерзеньем смотрят на пророков
Царя Манассии рабы.
В водовороте сладострастной лжи,
На пиршествах Астарты и Ваала,
Господня истина —
Как желчь и как полынь!

– Идите прочь!
Знать не хотим ни вас,
Ни Бога вашего!
Он непомерной платы
С нас требует за милости Свои!
За всё благодарить —
За вдох, за выдох,
Смирять гордыню каждый час и миг
И неустанно ближнего любить —
Да у кого ж на это хватит сил?
Да это тяжелейший труд на свете!

Неужто выколоть себе глаза,
Чтобы не видеть, как Его щедроты,
Минуя нас, прольются на других?
Иль собственную грудь вспороть ножом,
Чтоб выдавить из сердца зависть?

А между тем наш долг растет,
И он стеною
Встает меж нами и Всевышним Богом!

Нам нашей скверны не избыть!
Идем к чужим богам искать защиты —
Они нам будут рады и таким!

Но вот к чертогу царскому подходит
Невзрачный человек
в одежде запыленной,
И стража расступается пред ним —
Пророк!

А царь Манассия смущен,
Он думал,
Что все они давно перевелись.
А если кто и выжил, в щель забившись,
То побоится выползть оттуда
И вновь пугать царя Господним гневом,
Который всё никак не состоится.

С насмешливой улыбкой
Приказывает царь пророку говорить.
И раздается тихий голос:
— Бог Единый
Послал меня к тебе, о царь Манассия,
Сказать,
Что он есть Всемогущий Бог.

Ты осквернил священный город кровью
И трупами невинных переполнил
В угоду лжебогам,

Которых ты
В безумье почитал богами смерти.
Но всё подвластно Господу живых!
И сотворит он день,
Тот самый день, в который,
Простершись на земле,
Ты будешь умолять,
Чтоб он тебя помиловал и принял
Рабом последним в Царствие свое!

И вот знамение, что не напрасной
Твоя молитва будет, царь Манассия:
Те капища Ваалу и Астарте,
Что ты с весельем возводил
при свете дня,
Во мраке ночи станешь разрушать,
Горячими слезами обливаясь.

Царь привстает:
— А не сказал ли
Тебе твой Бог,
Что я за эту дерзость
С тобою сделаю?

— В твоей я власти, —
Незванный гость чуть слышно отвечает, —
И ты, скорей всего, меня убьешь.
Но тот, кто жив, вовеки не умрет...
Тебе же предстоит, о царь Манассия,

Переходить из смерти в смерть...

Жезлом

Царь бьет пророка по лицу,

А стража

По земле его волочит

К котлу, в котором варится смола.

И умер он!

А царь Манассия в темнице,

Как ни старается,

Не может умереть.

– Какие-то есть жилы на руке...

Их можно

Перекусить – и кровью изойти.

Но в этой темноте – как их отыщешь?

Пустое дело, нечего стараться.

Решает он от пищи отказаться,

Которую тюремщики швыряют

К его ногам – и на десятый день

Смерть придвигается уже вплотную.

Да, здесь она, за дверью – и сейчас

Войдет.

Но почему-то

Она уже не кажется желанной,

И лютый страх опять владеет им,
И он уже готов кого угодно
Взамен себя послать в ее жерло.

Пусть дочери идут,
И сыновья,
И жены царские,
Друзья и слуги!
И весь народ земли, его рабы,
Пускай в колонну строится,
И пусть
Его ведут служители Молоха
В пылающую печь – насытить смерть!

— —

...Но больше откупиться нечем:
Он
Уже не царь,
Он узник осужденный.
И казнь его назначена на завтра,
Мучительная огненная казнь.

Но после пытки, от которой он
Себе на удивленье жив остался,
Он казни не боится —
Дон Антонио
Был прав во всём.
Не зря он их учил
Дыханье останавливать
И боли

Не чувствовать при этом никакой.

Он пытку выдержал
И на костре
Сознание успеет потерять,
А едкий дым доделает свое...
Но главное не это, а другое:
Он никого под пыткой не назвал!
Иначе – страх и ужас! – столько раз
В своих последующих воплощениях
Он на костре горел бы, сколько душ
Он выдал бы сегодня палачам.

А ворожба, и вызыванье мертвых,
И на святых прилюдная хула,
И многое другое из того,
Что инквизиция ему вменяет —
Конечно же, всё это было,
Было.

Да вот когда?
Ты лопнул бы от злобы,
«Священный суд»,
Когда б в мои ты мысли
Проникнуть смог!
Ты хочешь насладиться
Страданиями невинного —
А я
Перед иным стою Судом
И верю,

Что справедлив мой страшный приговор.

...Такой недолгой жизнь моя была
И безмятежной.

Озарял, как солнце,
Ее сосед-помещик дон Антонио.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.